

HAL
open science

Konnotatsia imeni sobstvennogo v diakhronitcheskom aspekte, ili byl li Nicolas Chauvin chovinistom

Evgeny Shokhenmayer

► **To cite this version:**

Evgeny Shokhenmayer. Konnotatsia imeni sobstvennogo v diakhronitcheskom aspekte, ili byl li Nicolas Chauvin chovinistom. Modernisation de la formation philologique, 2004, XXVI, pp.107-115. halshs-00113479

HAL Id: halshs-00113479

<https://shs.hal.science/halshs-00113479>

Submitted on 30 Jul 2009

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Шохенмайер Е.А.,
аспирант II курса, "Романские языки"

**Коннотации имени собственного в диахроническом аспекте,
или был ли Николая Шовен шовинистом**

Коннотация рассматривается в трёх аспектах: семиотическом, психолингвистическом и лингвистическом. В соответствии с семиотическим подходом коннотация трактуется как мотив, по которому говорящий делает выбор между различными плоскостями рассмотрения предмета. Согласно этому взгляду, коннотация является содержанием, для которого денотативная семантика служит выражением (Телия, 7). Психолингвисты связывают этот научный факт с понятием ассоциации и эмотивной организации речи (Телия, 7). В лингвистическом аспекте отсутствует единство во взглядах на проблему коннотации.

Ю. Д. Апресян, Р. Бархударов, Н. Г. Комлев, Т. В. Матвеева, И. А. Мельчук, Л. И. Иорданская считают, что коннотация не входит в содержание слова. Она является семантикой модифицированного значения, включающего совокупность семантического наложения чувств, представлений о знаке. Коннотация не является, по мнению Н. Г. Комлева, элементом материальной структуры знака, *её компоненты создаются в процессе воспроизведения словарного значения* (курсив наш – Е.Ш., и далее) (Комлев, 5). Т. В. Матвеева трактует коннотацию как дополнительный, необязательный элемент лексического значения, который связан с реализацией прагматической или экспрессивной функции языка (Иорданская, Мельчук, 4).

И. В. Арнольд, В. Н. Телия, Э. С. Азнаурова, Е. И. Шендельс, В. И. Шаховский трактуют коннотацию как элемент содержательной структуры знака, которая входит в лексическое содержание (Азнаурова, 1). И. В. Арнольд высказывает точку зрения о том, что в свете коммуникативной лингвистики сообщение имеет двустороннюю информационную структуру, которая распадается на предметно-логическую (информацию первого рода) и прагматическую

информацию (информацию второго рода). Коннотация является, по И. В. Арнольд, таким образом, прагматической информацией или субъективным элементом лексического значения социального, исторического, эстетического характера (Арнольд, 2). Термин «коннотация», по Е. И. Шендельс, суммарен. Он охватывает всю информацию, которую содержит форма сверх своего денотативного содержания. Коннотация скрыто влияет на правило регулирования языковых отношений, и она связана с фоновыми знаниями и вертикальным контекстом.

Коннотация - это продукт исторического развития слова, она сопровождает ассоциативно знания о мире.

Например, О. С. Ахманова дает следующее определение коннотаций: "Дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые *накладываются* на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т. п." (Ахманова, 3). О. С. Ахманова различает ингерентную (внутренне присущую слову вне контекста) и адгерентную (формируемую контекстом) коннотацию. Наличие двух типов коннотаций позволяет считать коннотацию лингвистическим явлением.

В последнее время в отечественном языкознании все более укрепляется взгляд на коннотацию как неотъемлемую часть языковой системы, которая не может быть ограничена только стилистическими рамками. Слова с коннотативным содержанием нельзя свести к чисто стилистической проблематике, потому что они всегда апеллируют к некоторому опыту человека, *который возникает в результате его воспитания в данной культуре.*

Таким образом, если речь идет о «говорящих» именах собственных, как о лексемах, развивающихся по законам языка, то в самом их формировании в диахроническом аспекте прослеживается связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Эта информация затем как бы воскрешается в коннотациях в течение времени, которые отображают связь ассоциативно-

времени, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой.

Примером этому могут служить антропонимы с изменившейся коннотацией в процессе исторического развития их семантики. Рассмотрим происхождение слова «шовинизм» в историческом и литературном планах.

До сих пор считалось, что французское слово "шовинизм" образовано от фамилии отважного солдата наполеоновской гвардии Николя Шовена. Историк и политолог Жерар де Пюимеж доказывает, что солдата Шовена в реальности не существовало, и что этого персонажа выдумали французские поэты и водевилисты 1820-1830-х годов (Пюимеж, 6). Деревенский парень, который, будучи призван на военную службу, покинул ферму, ушел воевать в Египет, семнадцать раз был ранен, лишился трех пальцев, получил страшный шрам на лбу; за долгую жизнь нажил наградную саблю от любимого императора и двести франков пенсии, а потом вернулся в родную деревню и вновь взялся за плуг. Но неизменно благодарил судьбу за счастье родиться французом. Восходящий к античности, разом и героический, и комический миф о "солдате-землепашце", воплощением которого стал Шовен, помогал французам воссоздать иллюзии о единстве и сплоченности их нации. Так собрался цельный образ из множества биографических осколков. И лишь тогда военные и политики смогли использовать «положительный пример» доблестного Шовена в воспитательных целях.

Определенный вклад в становление и развитие этой ономастической единицы внесли изобразительное и литературное искусства.

Суть «шовинизма» в гравюре о Шарле 1824 года; «подпись под ней, на первый взгляд ничем не примечательная, но на самом деле чрезвычайно важная, гласит: «Мы французы, Шовен, дело можно уладить». Слова эти старый наполеоновский солдат обращает к новобранцу, готовому подраться с другим на пороге кабачка под названием «Союз»... Источник ее быстро забылся, но сама фраза «Мы французы, Шовен, дело можно уладить», выражающая в концентрированном виде всю сущность шовинизма, сделалась поистине знаменитой; с иронией или с восторгом многие авторы повторяли ее в течение

торгом многие авторы повторяли ее в течение всего XIX столетия" (Пюимеж, 6, с. 110).

Сам персонаж появился во Франции в 1831 в комедии братьев И. и Т. Коньяр "Трёхцветная кокарда", где одним из героев был агрессивно-воинственный новобранец Николя Шовен. Несмотря на то, что обычно шовинизм связывают с наполеоновским солдатом, ни в муниципальных, ни в военных архивах Франции, ни в мемуарах наполеоновской эпохи Николя Шовен не упоминается. Это чисто литературный, водевильный персонаж в стиле бравого солдата Швейка (Пюимеж, 7, с. 36). В этих водевилях Шовен - «Невежественный, глупый и вульгарный крестьянин. Разом и посредственность, и герой, он млеет от восторга перед военной славой Франции, вовсе не разбираясь в политике и не будучи, в сущности, настоящим патриотом" (Пюимеж, 6, с. 62-63).

В 1840 г. в водевиле «Осы» впервые звучит слово «шовинизм» «На сей раз перед нами Шовен в возрасте; это старый гренадер, который появляется на сцене, распевая: «Французский солдат, сын неизвестных крестьян...». Интересно, что в конце водевиля Шовен вновь обретает былую славу.

Смерть Шовена описана в одноименном рассказе Альфонса Доде (1873). Речь идет о поражении Франции в войне с Пруссией и о Парижской коммуне. Следует подчеркнуть, что «Шовен, впервые предстающий у Доде в роли мученика, умирает не на поле боя, а от руки своих мятежных, сбившихся с пути соотечественников" (Пюимеж, 6, с. 71-73).

Но почему именно такой образ в начале был у Шовена как у собирательной личности французской нации? "Часто деревни вообще были недоступны для посторонних по причине плохого состояния дорог или даже полного их отсутствия (о чем в 1818 г. свидетельствует Лаборд, а три с половиной десятилетия спустя - Маркс и многие другие наблюдатели)... Для того чтобы крестьяне, составляющие абсолютное большинство нации, слились в подлинную массу, сельский мир должен избавиться от тех региональных и культурных различий, которые превращают его в бесконечное множество отдельных мирков, знать не знающих о соседях. Этой аккумуляции способствует не столько школа (во многих деревнях

аккультурации способствует не столько школа (во многих деревнях ее просто нет, а там, где она есть, учителям приходится брать в расчет местные обстоятельства и семейные традиции), сколько армия; именно благодаря воинской повинности мозаика, состоящая из бесконечно разнообразных социальных структур и культурных форм, превращается в компактную массу взаимозаменяемых Солдат-землепашцев. В армии молодой крестьянин проникается сознанием собственной принадлежности к нации, о существовании которой напоминает ему военная эмблематика. Армия для Франции — это обширный тигель, *melting-pot*, где в начале XIX столетия формируются французы. Мы уже видели, что инициация Шовена заключалась преимущественно в очищении его от локальных привязанностей; после службы в армии Шовен обязан ощущать себя исключительно частицей нации. На смену фольклору различных областей Франции приходит национально-государственный" (Пюимеж, 6, с. 371-373).

"В солдате-землепашце Шовене как раз и воплощается мечта о национальном примирении, о слиянии всех французов, к какому бы классу и к какой бы партии они ни принадлежали, во всеобщей любви к земле, к воинской доблести и к нации и во всеобщей же ненависти к иностранцам. Самое неприятное в шовинистах, - сказал почти столетие назад Карл Краус, - это не столько их неприязнь к другим нациям, сколько любовь к своей собственной»" (Пюимеж, 6, с. 387).

Книга Пюимежа - своего рода политическая и идеологическая история Франции XVIII-XX веков, в основу которой положен рассказ о французском национализме, именуемом шовинизмом.

Эпоха романтизма сделала одно из самых грандиозных (для культуры) и одно из самых страшных (для политики) открытий новейшего времени. А именно: национальное своеобразие может стать «идеей», которая объединяет народ, превращает его в коллективную личность. Через рассмотрение истории одного образа можно показать историю идеологии одной из крупнейших европейских стран. Внимательно исследуя процесс поиска положительного героя националистической пропаганды, постепенное приобретение им все более ясных черт, его укоренение в массовом сознании и постоянный рост влияния на самые разные сферы общественной жизни, Пюимеж приходит к выводам о причинах

ной жизни, Пюимеж приходит к выводам о причинах живучести Шовена, актуальных не только для Франции прошлого столетия. Этот известный французский вояка ведь поклонялся и требовал поклонения не только Наполеону, но и даже больше, чем Наполеону - французской нации.

Для анализа этого имени собственного приведем определения шовинизма, которые давали в позапрошлом веке, чтобы увидеть изменения в коннотации:

Пьер Ларусс, самолично сочинивший для своего «Словаря» статью «Шовинизм», говорит, что «слово «шовинизм» стали употреблять всякий раз, когда речь заходит о неумеренных изъятиях чувств, прежде всего в области политической» (1867). (Цит. по: Пюимеж, 6, с. 16.)

«Словарь Французской Академии» (1879): «Шовинизм - очень разговорное слово, которое употребляют, когда желают высмеять чересчур пылкое восхищение славой французского оружия» (Цит. по: Пюимеж, 6, с. 17).

«Большая энциклопедия»: «Публика изобрела слово «шовинизм», которым стала обозначать всякое искреннее и порой забавное изъятие неумеренной любви к Франции, которой отличались в старые времена наши солдаты» (90-е годы 19 в.) (Цит. по: Пюимеж, 6, с. 17.)

Было и еще одно определение: "Шовинизм – бурное патриотическое настроение воинственного характера, поддерживаемое разгоряченной фантазией и основанное на слепом чувстве, исключающем проверку действия доводами рассудка" (Энциклопедический словарь. Т. XXIX-а. Издание Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — СПб., 1903, с. 761).

Вот что обозначено в Большой советской Энциклопедии: **Шовинизм** (франц. chauvinisme), крайняя форма национализма, проповедь национальной исключительности; противопоставление интересов одной нации интересам всех других наций, распространение национального чванства, разжигание национальной вражды и ненависти. Словом шовинизм стали обозначать различные проявления националистического экстремизма. В Великобритании он получил с конца 70-х гг. 19 в. особое наименование - джингоизм. Другие проявления шовинизма - социал-

особое наименование - джингоизм. Другие проявления шовинизма - социал-шовинизм, великодержавный шовинизм.

Таким образом, легко обнаруживается односторонность в начальных употреблениях данного имени, которая касается областей то политической, то военной. Но со временем становится заметным изменение семантики и содержания имени и, что самое главное, приобретение отрицательных коннотаций в основном значении. Если в начале это было лишь обозначением свойства представителя сугубо французской нации, причем с позитивным оттенком, то в последствии в ходе употребления имени в негативном контексте и обогащения тем самым ярко выраженной антинациональной коннотацией.

Итак, употребления имени Шовена и деривационного от него «шовинизма» в негативном свете привело к тому, что на основе ассоциаций антропоним прочно «оброс» отрицательными культурными коннотациями и не воспринимается по-другому.

Лингвокультурология уделяет внимание исследованию подобных фразеологических и ономастических единиц, составной частью которых являются крылатые слова и имена собственные. Последние представляют собой очень ценный источник знаний о культуре народа, свёрнутый миф. Появление онимов происходит по принципу: история ----> миф ----> язык. Причём первоначальное значение утрачивается или интерпретируется, что и произошло в случае с Николая Шовеном.

Например, существует некая ситуация, которая соответствует «буквальному» значению устойчивого выражения – Шовен есть человек, преданно и беззаветно любящий свою родину. Шовен, этот литературный персонаж (герой наполеоновских войн, ветеран и жандарм по натуре) весьма симпатичен именно потому, что из его уст в момент классовой стычки (а он встал между "стенками") в дни Парижской коммуны, выпорхнули слова: "Опомнитесь, французы, мы должны быть вместе...". Смысл цитаты в том, что Шовен отрицает классовую идентификацию, просто не понимает смысла классовой борьбы, которая перед ним развернулась. Далее, уточняя, он добавляет: «Я – француз. Я – Шовен.», что

няя, он добавляет: «Я – француз. Я – Шовен.», что показывает, что именно это (его французскость) и есть самое главное в нем, как личности, и в его фамилии также.

За подобной ситуацией закрепляется содержание, которое с течением времени переосмысливается, то есть, формируется образ ономастической единицы (или деривации от него) на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Уже в литературе мы видим, что Шовен был объектом насмешек своих же сослуживцев из-за чрезвычайно наивной бравады, затем эта ирония перешла на французское оружие, армию, затем в область политики, которая действовала с помощью таких вот шовенов. Так лексема эволюционировала к своему сегодняшнему отрицательному значению.

Изменение коннотаций у слова «шовинизм» по сути дела происходит до сих пор. Эта лексема как никогда прежде употребляется в настоящее время все чаще и чаще, и областей ее употребления становится больше.

С одной стороны, словарное определение " шовинизма " говорит о том, что это слово является синонимом "национализма". А как же быть, коли речь идет не о национальной, а о половой принадлежности субъекта? С другой стороны, повсеместно (в СМИ, в литературе последних лет, в Интернет) сталкиваемся с понятием "мужской шовинизм ". Оно уже закрепилось в языке (причем не только русском, судя по всему), будучи понятным по сути и вполне адекватно воспринимаемым нами. В толковых словарях добавляют уже соответствующее значение слова "шовинизм".

Таким образом, культурная коннотация вычленяется в ходе некоторого промежутка времени, когда происходит зарождение, развитие семантики онимов и обогащение их культурной коннотацией. Этот процесс происходит постепенно. Одной из форм функционирования коннотации является отношение языка и истории, языка и мифотворчества, языка и литературы, а также языка и религии, в ходе которых осуществляется обогащение ономастических единиц дополнительным смыслом. Ономастические единицы, представляющие собой сгусток культурной информации, позволяют, экономя языковые средства, сказать

информации, позволяют, экономя языковые средства, сказать многое, в то же время они проникают в глубины народного духа культуры.

Список использованной литературы

Азнаурова Э. С. Прагматика художественного слова; Ташкент, 1988- 119с.

Арнольд И. В. Функции коннотативных компонентов значений в поэтическом тексте // Структура и семантика предложения и текста в германских языках. Межвуз. Сб. Научн. Тр. ЛГПИ им. А. И. Герцена, Л. 1989, с. 3-9.

Ахманова, Гюббенет, Вертикальный контекст как филологическая проблема, ВЯ, № 3, 1977.

Иорданская Л. И., Мельчук И. А. Коннотативный аспект в лингвистической семантике //Wiener slavistischer, 1980, Bd. 6, S. 191-210.

Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969, с. 105-130.

Пюимеж, Жерар де Шовен, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма; М., 1999 – 232с.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц, М.,1986, -141с.